

ЯЗЫК ТУБАЛАРОВ И ЧАЛКАНЦЕВ

Фольклорные, бытовые тексты, которые представлены в данном сборнике, записаны во время экспедиции 2002 года в Турацакском и Чойском районах Республики Алтай.

К текстам, записанным в упрощенной транскрипции, прилагается литературный перевод на русский язык, который расположен зеркально. Все тексты, кроме песен, сопровождаются глоссированием, охватывающем словоизменительные и формообразовательные аффиксы.

При глоссировании текстов на чалканском и тубаларском языках, грамматика которых еще недостаточно изучена, мы столкнулись с определенными проблемами теоретического характера.

В ходе работы мы опирались на монографии Н. А. Баскакова «Диалект черневых-татар (туба-кижи)» [Москва, 1965, 1966], «Диалект лебединских татар-чалканцев» [Москва, 1985], которые являются наиболее полными грамматическими описаниями этих языков. Данные работы сделаны на основе материалов 30–40-х годов XX века. За это время в условиях двух- (родной – русский) или трехязычия (родной – русский – алтайский литературный) произошли изменения практически на всех языковых уровнях. Так, в материалах, собранных во время трех экспедиций (2000, 2001, 2002 гг.) отсутствуют некоторые варианты, приведенные Н. А. Баскаковым. Например, наряду с вариантами личного местоимения 'он' *ол // о* в тубаларском языке Н. А. Баскаков отмечает также варианты *ул // у*, которых нет в наших текстах. Напротив, частые в текстах 2000–2002 гг. варианты *ан* (< *a=нын*: он=GEN) 'его', *ола* (< *ол=a*: он=DAT) 'ему' не зафиксированы в работах Н. А. Баскакова (*онынь // анынь // унынь; ого // аа*):

Ан ордына қаан ползын деп кижи тап салзан только 'Только найди на его место человека, который станет ханом';

Ола Кудай айылдап партан полтыр 'Бог, оказывается, собирался пойти к нему [к Моркоп-Хану] в гости'.

К вариантам послелога, обозначающего направление 'в, к', Н. А. Баскаков относит следующие: *саары ~ заары ~ сары ~ зары ~ са ~ за*. В наших материалах встречаются в основном варианты послелога *са ~ за*, реже – *сар(ы)*, при этом данный послелог имеет явную тенденцию к синтетизации, о чем свидетельствует и встречающийся уже мягкорядный вариант *зе*:

Ан соонда кижлер дезе пери Турацақ=сары, Турацақ района келеле, Ойрот-тура=за келип, андын нъаан тьерлер=зе қавыжып, тьу да алып, кижлер пойлары садыжып тьорып, ари кижи полып, тьаттывыс деп айдатанар поон 'Они говорили, что после этого люди, переехав сюда, в

Турачак, в Турачакский район, приезжали в Горно-Алтайск, оттуда разъезжались по другим местам, покупая что-нибудь, торгуя, став совсем другими людьми, так жили’.

Стяжение этого послелого отмечалось М. И. Боргояковым в хакасских диалектах (-саал-сее, заа/зее) и в шорском языке (-саа). Он указывал на сравнительно недавнее развитие этого послелого в самостоятельный направительный падеж на =сар в хакасском литературном языке.¹

В современных тубаларских и чалканских текстах прослеживается стяжение некогда аналитических форм, в которых еще можно вычленить вспомогательный глагол, например: туб. су кой-ен (< суғ=ып кой=гон) ‘спрятал’, ньан=орт=со (< ньан=ып отур=за) ‘когда возвращался’, тав-ал-ан (< тав=ып ал=ган) ‘нашел’. Однако наряду с такими конструкциями с прозрачной структурой встречаются стянувшиеся словоформы, включающие вспомогательный глагол, определение которого вызывает затруднение. Так, тьор-т=ло ‘когда ехал’, можно интерпретировать и как тьор=ып тьад=ала, и как тьор=ып отур=ала.

В некоторых случаях вспомогательный глагол помогает определить контекст:

туб. А палалайка нар ползо, мен кошту палалайка ойно=n=ты=м (< ойно=n тур=ата-м) пом не с детства ‘Была бы балалайка, я ведь с детства очень хорошо играла на балалайке’. В данном примере конструкция $T_V=n тур=$ выражает многократность действия.

При окончательной интерпретации той или иной формы мы не можем ориентироваться только на алтайский литературный язык, поскольку в использовании вспомогательных глаголов в алтайском литературном и в чалканском, тубаларском языке имеются некоторые расхождения. В алтайском литературном языке базовым вспомогательным глаголом для образования аналитических конструкций является глагол тур= ‘стоять’. В чалканском и тубаларском чаще используется глагол тьат= ‘лежать’, в некоторых случаях ставший уже аффиксом настоящего времени =тьит // =птьит. В этом отношении эти языки сближаются с хакасским и шорским. Данные языки объединяет и ряд других признаков, что дало основание Н. А. Баскакову включить их в одну хакасскую подгруппу уйгуро-гузской группы восточной ветви тюркских языков. Южные же диалекты, на основе одного из которых (алтай-кижи) был создан алтайский литературный язык, относятся по его классификации вместе с киргизским языком к киргизо-кыпчакский группе.

¹ М. И. Боргояков. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976, с. 92-93.

В чалканских текстах нам встретилось такое явление, как сильная прогрессивная ассимиляция в случаях, когда конечный носовой согласный предыдущего слова влияет на первый согласный п или б последующего.

Анем маза (< паза) неграмотный... ‘Моя мама тоже неграмотная...’; А төрттинчи курсты пис тоозыйенис всего он меш пала ‘А четвертый курс закончило всего 15 человек’.

Однако это предположение требует дальнейшей проверки.

У одного и того же информанта часто встречаются разные фонетические варианты (тьаман // ньаман ‘плохой’, мее // маа ‘мне’, тьор=тон моон // тьор=отон моон ‘ездил’), по-разному стянувшиеся формы (меен // мениг ‘мой’, пол-он // по-он < пол=гон ‘был’, сөөн тьадым // сөөн=тьым ‘радуюсь’).

Встречаются также разные варианты одного аффикса. Ср., например, аффикс отрицания в одинаковой позиции после гласных и после сонорного п):

туб. ... Мени паза қара=ба, Меге ижең=бе, мени сақы=ва ‘... Не смотри на меня снова, Не верь мне, не жди меня’; Мен сеге ижең=ме=дим ‘Я на тебя не надеялась’.

В некоторых случаях происходит нарушение гармонии гласных:

Толтра қалацны кезе=ла, ол қалацны тир де аставан ‘Нарезал много хлеба, но хлеба несколько меньше не стало’.

Заметно влияние литературного алтайского языка, особенно у тех информантов, которые учились в Горно-Алтайске, жили в южных районах Алтая. Например, в чалканских текстах встретились слова, которые впоследствии были расценены другими информантами, проживающими в том же селе, как не чалканские, а южно-алтайские:

чалк. (1) Қорқуп тоғ нараның алдына (чалк. қадына) кир қаан ‘Испугавшись, туда, под нары, спрятался’; (2) Тьети класста тьетире анда үрен алала, андын Горный Алтайсқа парып үрен келип, ойтто (чалк. қаршы) келеле Тьедирвес деп тьерде иштеп тьатқам ‘До седьмого класса [я] училась там, потом, выучившись в Горно-Алтайске и, вернувшись обратно, работала в Тьедирвесе’; (3) Шалқанну тилинде пистиг так сананганда, анекдот айлу (чалк. уц) немелер көп нар ‘Если хорошо вспомнить, то у нас в чалканском языке много таких вещей, подобных анекдотам’.

У носителей тубаларского и чалканского языков часты русские вкрапления (в песнях не встречаются):

чалк. А вот мен көдре предметтерди онноптым, прямо знаю прекрасно, а пересказать не могу ‘А вот я все предметы хорошо понимаю, прямо знаю прекрасно, а пересказать-то не могу’; туб. Черт, қоно сого тооп, улустар пожоттин ‘Черт, всю ночь мерз, люди не пустили’.

Предварительный анализ текстов позволяет предположить, что тенденция развития северных диалектов сближается с хакасским и шорским язы-

ками. Наблюдается также ряд общих закономерностей с алтайским литературным языком, вызванных, с одной стороны, влиянием алтайского литературного языка, а, с другой стороны, теми же тенденциями развития, которые являются не контактными, а отражают общую тенденцию развития тюркских языков.

Мы выражаем огромную благодарность всем информантам, с которыми нам довелось работать в экспедициях в Чойский и Турачакский районы, за их отзывчивость и гостеприимство.